

Проф. А. Н. Красновъ, какъ ученый.

Существуютъ ли объективные признаки крупнаго таланта, какъ индивидуальности, отмѣченной особой печатью, выдѣляющей даннаго дѣятеля высоко надъ окружающимъ уровнемъ? Къ такимъ признакамъ, органически связаннымъ другъ съ другомъ, по нашему мнѣнію, относятся: прирожденность таланта, его разносторонность, активность и наконецъ даръ угадыванія истины.

Искусственно создать или воспитать дѣйствительный талантъ мы не въ состояніи. Конечно, и среднія способности при благоприятныхъ условіяхъ, настойчивости и упражненіи могутъ достигъ значительнаго изощренія, но и только. Чтобы прокладывать новые пути и смѣло порывать съ старымъ, чтобы мысль могла парить надъ установленными границами, необходимо имѣть нѣчто особенное, заранѣе данное, кроющееся въ самой организаціи. Это и проявляется, съ одной стороны, въ наличности наслѣдственности, а съ другой—въ раннемъ обнаруженіи будущихъ наклонностей. Въмѣстѣ съ тѣмъ, истинный талантъ многостороненъ. Различныя формы духовной дѣятельности, хотя въ теченіе жизни человѣка и дифференцируются, однако, несомнѣнно, имѣютъ общую органическую основу. Поэтому-то такъ часто въ одномъ и томъ же лицѣ, отмѣченномъ высокой талантливостью или даже геніемъ, соединяются различныя творческія способности (Микель-Анджело, Гете, Левъ Толстой), и выдающійся ученый нерѣдко неотдѣлимъ отъ поэта или художника.

Типичной чертой таланта является его активность. Та сторона духовной организаціи, которая почему-то отъ природы явилась усиленной, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы содержитъ въ себѣ и стимулъ, толкающій въ сторону постоянного осуществленія въ дѣйствиі. Въ талантѣ живетъ повышенная потребность удовлетворенія этого стремленія, которая и выливается въ творчество.

Наконецъ, мы говоримъ о талантѣ только тогда, когда онъ кроетъ въ себѣ способность не вообще творить, а творить истину. Что есть истина? — вопросъ этотъ и сейчасъ только

рѣшается въ безчисленныхъ вѣтвленіяхъ нашего духа, и всякая какъ художественная, такъ и болѣе широкая научная истина въ значительной степени познается тѣмъ бессознательнымъ актомъ творчества, въ которомъ какіе-то независящіе отъ насъ процессы ассоціаціи позволяютъ мысли, какъ электрической искрѣ, перескакивать съ старыхъ проводовъ на новые. И если путь этихъ ассоціацій правиленъ, то человѣкъ возносится въ недоступныя для другихъ высокія области созидательнаго творчества и получаетъ право на званіе таланта или генія.

Изъ біографическихъ данныхъ, можно видѣть, что семья и родъ Красновыхъ, откуда вышелъ А. Н., отличалась повышенной интеллектуальностью, несмотря на мало благопріятный окружавшій ихъ общій культурный уровень остальной среды. Цѣлый рядъ родственниковъ А. Н. былъ писателями и частью изслѣдователями, другіе выдѣляются своимъ умственнымъ развитіемъ и усиленной духовной жизнью¹⁾. Въ самомъ А. Н. Красновѣ очень рано проявляются всѣ тѣ наклонности и влеченія, которыя впослѣдствіи составляютъ содержаніе его жизни.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, уже съ первыхъ шаговъ самостоятельной дѣятельности А. Н. ясно обнаруживаетъ двѣ формы творчества — литературно-художественную и научную. Онѣ проникаютъ все его творчество до конца жизни и, то гармонически сливаясь, даютъ настоящіе шедевры таланта, то, вступая въ антогонизмъ, ведутъ къ отрицательнымъ сторонамъ индивидуальности Краснова, за которыя на него сыпались сарказмы и обвиненія. Отрывокъ стихотворенія А. Н., приводимый въ предыдущемъ очеркѣ и относящійся къ юношескимъ годамъ его, обвѣявъ несомнѣнной силой поэтического чувства натуралиста-художника. И послѣдній въ немъ живетъ до самыхъ послѣднихъ дней, даже когда онъ, въ предчувствіи скорой смерти, намѣчаетъ себѣ мѣсто могилы... Тонкій эстетическій вкусъ сопровождалъ Краснова какъ въ его литературно-научныхъ произведеніяхъ, такъ и въ будничной жизни. Онъ мыслилъ и писалъ образами, не всегда точными и отдѣланными, но почти всегда оригинальными, выразительными и красочными. Умъ Краснова, какъ губка, жадно

¹⁾ Въ новомъ изданіи «Энциклопедическаго словаря» Брокгауза-Ефрона мы находимъ нѣсколько Красновыхъ изъ Области В. Д., въ томъ числѣ братьевъ и отца А. Н.: Красновъ Николай Ивановичъ — военный писатель и изслѣдователь, Красновъ Петръ Николаевичъ — беллетристъ и военный писатель; Красновъ Платонъ Николаевичъ — писатель; Красновъ Иванъ Ивановичъ — писатель и военный дѣятель; Красновъ Иванъ Кузьмичъ — выдающійся боевой генералъ.

впитывалъ въ себя разнообразныя впечатлѣнія и перерабатывалъ ихъ въ яркія цѣльныя картины. И можно съ полнымъ правомъ сказать, что ни одинъ русскій естествоиспытатель не достигалъ такой силы художественнаго чувства и изобразительности, бывшихъ у него, какъ ключъ, изъ глубины таланта. Вотъ, напр., описаніе А. Н. природы пустыни Тянь-Шаня¹⁾. «Напрасно будетъ здѣсь искать путникъ деревьевъ: ихъ нѣтъ—рѣдко, гдѣ между скалъ блеснетъ здѣсь зеленый кустъ приземистой таволги, прутикъ выродившейся чилиги или степной вишни. Только взоръ внимательнаго наблюдателя отличить тамъ и сямъ подъ навѣсомъ скалы или въ ложбинкѣ виднѣющіяся моховинки растеній—лилипутовъ. Рѣдко гдѣ изъ расцелины выглянетъ перистый листъ *Ferula*, ярко-желтый цвѣтокъ *Glaucium* или *Geranium tuberosum*. Они не оживляютъ картины, и общее впечатлѣніе пустыни—пруды голыхъ раскаленныхъ камней и скалъ, постепенно скрывающіяся въ мутной лессовой атмосферѣ.—Оживляется такая пустыня лишь въ маѣ. Тогда являются ковры тюльпановъ, всюду изъ земли появляются громадныя полукруглыя листья *Rheum*. Достигая иногда до $\frac{1}{2}$ аршина въ діаметрѣ, распростертыя по землѣ, расположенныя попарно, они дѣлаютъ ее тамъ, гдѣ поверхность пустыни гладкая и ровная—поразительно пахотжею на поверхность пруда, заросшую листьями кувшинокъ. Къ этимъ листьямъ, массами вырастающими тамъ и тутъ, присоединяются розетки пушистыхъ листьевъ *Scorodosma*, на которыхъ, какъ на блюдѣ кочанъ капусты, появляются большія, иногда лишь немного менѣе дѣтской головы, крупныя цвѣточныя ея почки. Не пройдетъ недѣли, какъ изъ листьевъ ревеней и изъ розетокъ *Scorodosma* вырастаютъ высокія (по поясъ или менѣе) палево-желтыя соцвѣтія. Степь тогда кажется усыпанною кустиками цвѣтовъ—и среди этихъ кустиковъ пробуждается животная жизнь. Массами является сюда степная черепаха; всюду движутся ея щиты, вездѣ видишь, какъ объѣдаются сочныя листья, какъ дерутся изъ-за самокъ самцы, стараясь опрокинуть противника на спину. Теперь забѣгаетъ сюда кара-куйрюкъ, появляются стада кулановъ. Но недолго держатся эти соцвѣтія, являющіяся результатомъ траты веществъ, накопленныхъ въ большихъ подземныхъ богатыхъ смолами корневищахъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Черезъ нѣсколько недѣль сухіе желтые стволы *Scorodosma* увѣшаны черными, невыносимо вонючими плодами. Животная жизнь замираетъ, и только черныя жуки изъ семей-

¹⁾ А. Н. Красновъ. Опытъ исторіи развитія флоры южной части восточнаго Тянь-Шаня, стр. 238—239.

ства *Longicornia* объѣдаютъ опадающія сѣмена. Теперь оживаютъ и получаютъ силу живущіе подъ камнями тарантулы и скорпіоны, а все живое бѣжитъ изъ раскаленной, безжизненной, непривѣтливой пустыни»... Или въ слѣдующихъ строкахъ Красновъ описываетъ растительность песковъ ¹⁾. «Внѣшній видъ формации Арало-Каспійскихъ песковъ также въ высшей степени оригиналенъ. Онъ вызывалъ удивленіе, нерѣдко восторгъ у большинства путешественниковъ... Подобно прибою морскихъ волнъ, грядобразно тянутся пески Тау-кумъ вдоль Или, то желтою стѣною возвышаясь надъ гладкою, глинистою степью... то вдругъ обрываясь, то правильными грядами, то отдѣльными холмами. И на ихъ ярко-желтомъ фонѣ темными, иногда почти черными пятнами, группами рискиданы разнообразныя кустарники формации. Лишенные большею частью листьевъ, они всѣмъ своимъ видомъ выражаютъ истомленіе и жажду, жалобно расprostираютъ свои вѣтви. У однихъ онѣ въ видѣ длинныхъ зеленыхъ иглъ, заканчивающихъ какъ бы свѣчи безчисленныхъ канделябровъ, беспомощно торчатъ кверху параллельно другъ другу. Это исполинская *Ephedra*. Рядомъ съ нею возвышается саксаулъ со своими длинными сѣро-зелеными нитями, которыя, свѣсиваясь внизъ, придаютъ большимъ деревьямъ нѣкоторое подобіе старой искривленной, уродливой, лишенной листы березы. Еще чуднѣе серебряный кустъ куянь-суѣка съ его неподвижными, точно изъ металла вылитыми листочками, среди которыхъ весною развиваются изящныя фіолетовыя соцветія. Тамъ и сямъ поднимаютъ исполинскіе зеленые стержни, усыпанные бѣлыми сѣменами, какъ коралль щупальцами полиповъ, *Salsola subaphylla*... На буграхъ точно исполинскіе пауки растопырили во всѣ стороны свои членистые, изогнутые прутья джугзаны, съ красныхъ, какъ коралль, вѣтвей которыхъ лѣтомъ на длинныхъ зеленыхъ кистяхъ висятъ нѣжныя съ орѣхъ величиной бѣлыя шары сѣмянъ—точно тѣ рѣзные изъ слоновой кости шары, которыми такъ славятся китайскіе токари... Ни шелеста, ни шума не слышно въ этомъ фантастическомъ лѣсу, нигдѣ не раздастся ни птичьяго гаму, ни пѣнія. Лишь громадныя ящерицы, точно исчадія ада, бѣгаютъ по ломкимъ сучьямъ саксаула, и по песку барахтаются жуки. Вѣтеръ уныло завываетъ въ голыхъ вѣтвяхъ саксаула; когда же онъ затихнетъ, мертвое молчаніе царствуетъ среди бугристыхъ песковъ—и мнится, что находишься въ подводномъ царствѣ на песчаномъ днѣ—такъ отличны здѣшнія растительныя формы отъ тѣхъ, къ которымъ привыкъ глазъ».

¹⁾ Ibid. Стр. 249.

Чтобы показать все богатство и сочность красокъ, въ которыя выливался описательный талантъ Краснова, мы приведемъ еще выдержки изъ его описанія ¹⁾ «флоры археофитовъ»—лѣсовъ сильно влажныхъ равномѣрно-теплыхъ областей тропиковъ, которыя Красновъ разсматриваетъ за прямой пережитокъ отдаленнаго геологическаго прошлаго и съ которыми онъ былъ знакомъ на основаніи личныхъ наблюденій. «Какъ въ отложеніяхъ отдаленной каменноугольной эпохи, такъ и здѣсь, лѣса областей облаковъ, есть царство прото- и метафитовъ. Здѣсь господствуютъ три вида древовидныхъ папоротниковъ... Ихъ толстые, какъ у деревьевъ нашей полосы, стволы достигаютъ до 30 ф. высоты, и тамъ, гдѣ эти папоротники растутъ, понемногу окружая какое-нибудь мшистое болотце, они въ той туманной атмосферѣ переносятъ васъ въ обстановку отдаленнѣйшихъ геологическихъ эпохъ... Для глядящаго издали на склонъ, поросшій папоротниковымъ лѣсомъ, онъ кажется убраннымъ нѣжными, пушистыми, какъ страусовыя перья, звѣздами, изъ коихъ каждая представляетъ крону исполинскаго дерева; оригинальные чешуйчатые стволы ихъ бываютъ увиты нерѣдко десятками другихъ нѣжнѣйшихъ видовъ тайнобрачныхъ... Оригинальные, то напоминающіе капитель какой-то колонны, то спускающіеся на вѣтви, какъ какая-то громадная лампада исполинскаго храма, висятъ эффектно на различныхъ высотахъ папоротники—*Aspidium nidus avis*—розетки изящно изогнутыхъ цѣльнокрайнихъ блѣдно-зеленыхъ, какъ исполинскіе листы салата, листьевъ... Вися на такихъ нитяхъ, они напоминаютъ исполинскія зеленыя гнѣзда, годныя для цѣлаго семейства аистовъ. Я еще уподобилъ бы ихъ громаднымъ зеленымъ коронамъ для головъ лѣсныхъ гигантовъ... Но не столько въ видѣ деревьевъ и кустарниковъ или вьющихся лѣанъ, сколько въ видѣ разнообразнѣйшихъ эпифитовъ... налили тайнобрачныя на стволы, вѣтви и даже листья деревьевъ и кустарниковъ—точно желая своими соединенными силами задавить и задушить ихъ, какъ атакуютъ пигмеи великана, муравьи издыхающую ящерицу или комары издыхающаго льва...»

Благодаря блестящему дару настоящаго художника быстро схватывать черты сходства и различія, Красновъ, при своемъ громадномъ запасѣ личныхъ наблюденій, мѣстами поднимается на такія высоты сравненія, которыя присущи лишь силѣ первокласснаго таланта. Въ слѣдующихъ, напр., яркихъ строчкахъ,

¹⁾ Проф. А. Н. Красновъ. Географія растений. Стр. 103.

звучащихъ красиво и гордо, онъ передаетъ впечатлѣніе, производимое Гималаями ¹⁾).

«Для наблюдателя, стоящаго на равнинѣ Ганга, Гималаи представляются одною громадною стѣной снѣговыхъ вершинъ, доступъ къ которымъ прегражденъ прерваннымъ во многихъ мѣстахъ рѣчными долинами двойнымъ барьеромъ изъ менѣе высокихъ горъ Малыхъ Гималай и Субъ-Гималайскихъ.—Часто, какъ, напр., это было со мною въ округѣ Кангра, стоя въ области холмистыхъ предгималайскихъ уваловъ, вы видите передъ собою закутанныя вершины темныхъ и мрачныхъ, напоминающихъ черныя горы Кавказа, цѣпей Малыхъ Гималаевъ. Вамъ кажется, что это и есть та величественная черная цѣпь, которая служила оплотомъ индійскимъ народамъ противъ центрально-азіатскихъ нашествій. Уже она одна настолько величественна, что можетъ спорить съ нашимъ Кавказомъ. Но когда вдругъ порывы вѣтра разгонятъ висящія надъ нею облака—передъ глазами разворачивается картина подавляющей грандіозности. То, что вы принимаете за грозныя тучи, оказывается закутаннымъ ими невѣроятной высоты горнымъ хребтомъ съ вершинами, тонушими въ снѣгахъ, съ голыми скалами и темною зоной хвойныхъ лѣсовъ. Я созерцалъ хребты Тянь-Шаня какъ съ равнинъ Туранской низменности, такъ и со стороны Кашгаріи и долины Иссыкъ-Куля, я любовался главнымъ хребтомъ Кавказа съ переваловъ и ущелій Сванетіи, съ подножія Эльбруса и Бештау, я видѣлъ Альпы у подножія Юнгфрау и въ лицѣ дикихъ панорамъ Церматта,—но ни одинъ изъ знаменитыхъ горныхъ хребтовъ этихъ, не говоря уже о меньшихъ, подобныхъ Алтаю или скалистымъ горамъ Америки, не можетъ произвести впечатлѣнія, подобнаго тому, какое вы получаете отъ Пиръ-Панджала, стоя гдѣ-нибудь на холмистыхъ окрестностяхъ Нурнура. Вы не въ ущельѣ. Вы въ открытой мѣстности, далеко отъ подножія хребта—такъ далеко, какъ далека Владикавказъ отъ главнаго хребта Кавказа. И, несмотря на это, шапка валится съ головы, когда вы видите эту увѣнчанную снѣгами каменную стѣну, передъ которою ея аванпостъ, подобный Кавказу темный хребетъ, величію котораго вы только-что удивлялись, кажется мизерными холмами. Вы стоите подъ сѣнью стройныхъ пальмъ въ жаркой мѣстности, среди цвѣтовъ и тропическихъ деревьевъ. И кроны пышныхъ вай у васъ проектируются на фонѣ снѣжныхъ полей, обрамленныхъ облаками, витающими около пиковъ, заслоняющихъ

¹⁾ А. Н. Красновъ. Чайные округа субтропическихъ областей Азіи. Вып. II. Стр. 381 и слѣд.

добрую треть чудно голубого индійскаго небосклона... Вы можете поднявшись на горы до девяти тысяч футовъ, видѣть всю равнину Индіи подъ вашими ногами, какъ громадную географическую карту, развернутую рукою Творца, съ серебристыми струйками рѣкъ, зелеными пажитями и бурными выгорѣвшими пустырями, пятнами лѣсовъ и едва замѣтными точками—человѣческими поселеніями. Вы выше облаковъ, они плаваютъ внизу подъ вашими ногами въ голубой атмосферѣ неба, задерживающей брѣнную землю неопредѣленной, дрожащей дымкою. Картина доступная развѣ только аэроавту или смѣлому горцу, который, пренебрегая усталостью и холодомъ, залезетъ на неприступный пикъ Кавказа въ родѣ Столовой горы»...

Но если Красновъ—художникъ на каждомъ шагу прорывается въ его болѣе спеціальныхъ работахъ, то тѣмъ болѣе, конечно, онъ выступаетъ на передній планъ въ многочисленныхъ описаніяхъ путешествій и вообще статьяхъ популярно-научнаго характера. Всѣ онѣ читаются съ живымъ интересомъ и невольно переносятъ за собой воображеніе въ тѣ страны или въ ту обстановку, которую описываетъ авторъ. Онъ является изъ нихъ натуралистомъ того лучшаго типа, который далъ рядъ сдѣлавшихся міровыми популярно-научныхъ картинъ природы¹⁾; его вниманіе отмѣчаетъ все, а богатая умственная работа объединяетъ пестрый калейдоскопъ впечатлѣній въ нѣчто цѣльное, въ которомъ чувствуется одно и тоже творческое «я» крупнаго ученаго.

¹⁾ Въ этомъ отношеніи можно назвать, хотя бы А. Гумбольдта, о которомъ проф. Д. Н. Анучинъ говоритъ (въ вступительной главѣ къ переводу книги А. Гумбольдта «Центральная Азія». 1915 г.): «А. Гумбольдтъ былъ едва ли не послѣднимъ представителемъ того стараго аристотелевскаго типа ученыхъ, которые пытались охватить своимъ духовнымъ взоромъ все естествознаніе и включали въ кругъ своихъ изученій даже такія области вѣдѣній, какъ исторія, филологія, археологія, этнографія, статистика и т. д. Всѣ эти разнообразныя предметы изслѣдованія подчинялись, однако, у Гумбольдта главной, излюбленной имъ области знанія, которую онъ называлъ «физикой земнаго шара». Мы думаемъ, однако, что этотъ высокій типъ ученаго вѣченъ и только онъ можетъ служить руководящимъ свѣточемъ, но, къ сожалѣнію, этотъ идеалъ полностью съ каждымъ годомъ дѣлается все менѣе и менѣе посильнымъ для единичнаго человѣка, вслѣдствіе колоссальнаго роста науки. И А. Н. Красновъ, благодаря его колоссальной памяти, обширной эрудиціи, личному опыту и широтѣ мысли былъ близокъ къ этому идеалу, если бы въ его судьбѣ не сыграли роковую роль нѣкоторыя отрицательныя стороны его индивидуальности.

Здѣсь нельзя не остановиться на одной совершенно индивидуальной формѣ своего рода пластическаго искусства, въ которомъ выливалось художественно - эстетическое творчество А. Н. Краснова и въ концѣ-концовъ опредѣлило его послѣднюю дѣятельность. Это—влеченіе Краснова къ воплощенію научныхъ ботанико-географическихъ образовъ въ видѣ ботаническаго сада. То, къ созданію чего повторно и какъ бы *crescendo* приступалъ А. Н., пока въ его воображеніи не возникъ проектъ грандіознаго Батумскаго сада, не было дѣломъ только холоднаго научнаго плана. Красновъ въ данномъ случаѣ, въ буквальномъ смыслѣ слова, творилъ, какъ художникъ или скульпторъ и хотѣлъ при помощи сада вылить цѣлые аккорды сложныхъ переживаній, какъ чисто научныхъ, такъ и эстетическихъ. Страсть къ цвѣтамъ и яркимъ сочетаніямъ красокъ въ немъ, безъ сомнѣнія, заложена была рано и, повидимому, имѣла благопріятную почву для развитія уже въ дѣтствѣ, благодаря окружавшей его обстановкѣ. И позднѣе мы видимъ, что онъ любитъ работать среди острыхъ научно-эстетическихъ впечатлѣній. Коллекціи бабочекъ изъ всѣхъ странъ свѣта, ярко-окрашенныхъ и щеголяющихъ всяческими нюансами и переливами; оранжерея, утопающая въ рододендронахъ, орхидеяхъ съ звонко поющими, порхающими нарядными экзотическими птичками; акваріумъ съ переливающимися при свѣтѣ электрической лампочки всѣми цвѣтами радуги какими-то рѣдкими рыбками; банки съ благоухающими нарциссами, гіацинтами или нѣжными крокусами на письменномъ столѣ, служили для Краснова какъ бы возбуждателями въ его лихорадочномъ умственномъ трудѣ.

Одна изъ самихъ раннихъ попытокъ Краснова созданія ботаническаго сада, въ которомъ смѣлый ботанико-географическій замыселъ соединялся бы съ эстетическими и научно-образовательными задачами, относится къ первымъ годамъ его профессорской дѣятельности. Приѣхавши въ Харьковъ, Красновъ увлекается мыслью кореннымъ образомъ переустроить Харьковскій «Университетскій садъ» ¹⁾. Онъ берется за дѣло со всей кипучестью своей натуры. Однако, недостатокъ средствъ, без-

¹⁾ См. его статью, помѣщенную сначала въ «Харьковскомъ Сборникѣ», за 1890 г., а потомъ перепечатанную въ «Бюллетеняхъ Харьковскаго О-ва Любителей Природы» (1915, № 2). Отдѣльныя, удачно посаженные деревья въ Харьковскомъ Университетскомъ саду и сейчасъ являются молчаливыми памятниками этого кратковременнаго увлеченія А. Н. Въ большинствѣ же случаевъ даже камни альпійской горки, въ буквальномъ смыслѣ слова, исчезли безслѣдно.

участіе университетскихъ спеціалистовъ и вандализмъ публики постепенно его охлаждають.

Въ теченіе нѣкотораго времени А. Н., выстроивши себѣ особнякъ, пытается дать выходъ своей страсти у себя дома. Онъ устраиваетъ оранжерею и пробуетъ разбить цвѣтникъ и садикъ на маленькомъ участкѣ земли. Но и эта попытка, конечно, не могла быть прочной.

Только позднѣе, приблизительно съ 1906 г., Краснову удается осуществить, хотя и въ скромномъ масштабѣ, свои планы. А именно: онъ, состоя преподавателемъ ботаники въ Харьковскомъ Ветеринарномъ Институтѣ, исхлопатываетъ нѣкоторыя средства для устройства оранжереи и ботаническаго сада при послѣднемъ. Съ большой любовью и вкусомъ А. Н. въ теченіе ряда лѣтъ непосредственно руководить организаціей сада; какъ художникъ, передѣлываетъ неоднократно его детали и въ концѣ-концовъ превращаетъ его въ цвѣтушій красивый уголокъ, въ которомъ каждая мелочь была продумана и прочувствована и должна была служить, если не воспроизведеніемъ, то, по крайней мѣрѣ, какъ бы символомъ того обширнаго ботанико-географическаго сада, проектъ котораго рисовался передъ умственными взорами Краснова ¹⁾.

Однако, садикъ при Ветеринарномъ Институтѣ не могъ дать дѣйствительнаго удовлетворенія Краснову по многимъ причинамъ. Малая величина участка, занятаго садомъ, не позволяла поставить дѣло въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ. Климатическія условія не благопріятствовали разведенію большинства южныхъ породъ. Содержаніе же оранжереи съ каждымъ годомъ все острѣе наталкивалось на недостатокъ средствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мысль Краснова все больше и больше уноси-
лась къ благодатнымъ «русскимъ субтропикамъ»—Черномор-

¹⁾ Несомнѣнно, что А. Н. Красновъ обладалъ выдающимся талантомъ культиватора. Въ немъ сочетались чисто садоводственный опытъ, тонкое художественное чутье и богатая наблюдательность, позволявшая ему чрезвычайно умѣло выбирать растенія и распредѣлять ихъ въ зависимости отъ ихъ обычныхъ требованій къ условіямъ обитанія. Такимъ образомъ его сады дѣйствительно опирались на ботанико-географическіе принципы. Этимъ, вѣроятно, объясняется обычная удача его посадокъ. Въ частности, въ садикѣ Харьковского Ветеринарнаго Института заслуживаютъ упоминанія, до сихъ поръ успѣшно растущая въ грунтѣ (безъ всякаго прикрытія на зиму), *Osmunda regalis* (пересаженная изъ Адлера и удовлетворительно себя чувствующая на сухомъ, но тѣнистомъ, защищенномъ съ сѣвера мѣстѣ), *Gyngko biloba* (растетъ рядомъ съ *Osmunda*; въ настоящее время деревцо превышаетъ ростъ человѣка), *бамбукъ* (*Bambusa* sp.) и нѣк. др.

скому побережью Закавказья. И Красновъ совершаетъ единственный въ своемъ родѣ, полный духовной красоты, шагъ— онъ успѣваетъ увлечь своими планами правительственныя сферы, добивается официального признанія своего фантастическаго въ глазахъ коллегъ сада и, бросивши профессуру, переселяется на далекій Кавказъ въ окрестности Батума. Онъ, привыкшій всегда быть въ непосредственномъ общеніи съ пульсомъ западно-европейской культуры, рѣшительно порываетъ съ прежней жизнью и переноситъ свою дѣятельность въ совершенно иныя условія, въ край совершенно иной господствующей національности, въ мѣстность страшную маляріей... Какъ-будто зачарованный своей идеей, въ которой такъ пестро перемѣшаны чисто научныя стремленія съ какой-то тоской по эстетическимъ ощущеніямъ¹⁾, Красновъ, съ исключительной для его возраста и здоровья, въ особенности у насъ русскихъ, энергіей и настойчивостью весь отдается ей, ея воплощенію, въ смутномъ страхѣ, что дни его сочтены... Въ короткое время въ его рукахъ пустырь началъ вырисовываться въ грандіозное по широтѣ замысла художественно-научное твореніе, но смерть внезапно потушила яркій духовный факель...

Мы видимъ, такимъ образомъ, что художественный элементъ проходитъ черезъ все творчество Краснова... Но въ то же время онъ никогда не превращается у него въ тяготѣніе къ самодовлѣющему чистому искусству, а всегда имѣетъ въ своей основѣ никогда не успокаивающійся духъ испытующаго природу крупнаго натуралиста. Увлекаясь красотой формъ и сочетаній, Красновъ, тѣмъ не менѣе, еще болѣе находится въ подчиненіи красотъ научной идеи и научнаго обобщенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, стремленіе къ послѣднему въ немъ всегда преобладаетъ надъ спокойнымъ методическимъ изученіемъ фактовъ. Его научно-творческой процессъ съ первыхъ же шаговъ явно обнаруживаетъ, такъ сказать, географическій характеръ. Красновъ ботаникомъ въ тѣсномъ смыслѣ слова никогда не былъ. Интересъ къ изслѣдованію и познанію отдѣльныхъ растений, какъ организмовъ, у него былъ выраженъ слабо. Растеніе для него было лишь тѣмъ географическимъ элементомъ, съ которымъ больше и сильнѣе всего связались въ силу всей суммы условій его симпатіи, и только.

Уже самыя раннія работы Краснова имѣютъ явно ботанико-географическое направленіе съ широкой постановкой вопросовъ, съ теченіемъ же времени оно лишь усиливается и опредѣляется.

¹⁾ Это видно, напр., изъ его яркой статьи «Сонъ» (см. дальше).

При этомъ характерной чертой мышленія Краснова является его тяготѣніе къ идеѣ развитія вообще и біологической эволюціи въ частности. Онъ всюду ставитъ своей конечной задачей не столько самостоятельное выясненіе, разработку и провѣрку фактовъ, сколько вопросъ о происхожденіи данного біо-географическаго явленія въ сложной зависимости отъ всей совокупности дѣйствующихъ причинъ. По этому значительная часть работъ Краснова носитъ характеръ законченныхъ цѣльныхъ монографій («Опытъ исторіи развитія флоры южной части восточнаго Тянь-Шаня», «Травяныя степи сѣвернаго полушарія», «Рельефъ, растительность и почвы Харьковской губ.»), въ которыхъ цѣнность фактическаго матеріала отступаетъ далеко на задній планъ передъ блестящимъ умѣньемъ сцементировать въ одно цѣлое разнородные географическіе элементы, освѣтить ихъ общей идеей и отгадать чутьемъ таланта если не полную истину, то значительное приближеніе къ ней. Самымъ крупнымъ по замыслу научнымъ произведеніемъ Краснова въ этомъ направленіи, суммирующимъ итоги всѣхъ его частныхъ работъ и мыслей, является, безъ сомнѣнія, его «Основы землевѣдѣнія» и въ особенности его «Географія растений». Въ нихъ вылилось его пониманіе землевѣдѣнія, какъ «философской науки, пытающейся на основаніи выводовъ естественныхъ наукъ объяснить и указать особенности той обстановки, въ которой принуждено жить современное человечество»...¹⁾. Это своего рода трилогія, въ которой передъ читателями должна пройти величавая картина эволюціи поверхности земной коры во всемъ сложномъ взаимодействіи опредѣлявшихъ ее и опредѣляющихъ сейчасъ факторовъ. Современный ликъ земли рисуется Краснову въ образѣ медленной, но непрерывно идущей агоніи тропической и субтропической природы третичной эпохи. И гдѣ бы онъ ни былъ, всюду его мысль ищетъ слѣдовъ этого процесса и дѣлаетъ попытки ихъ раскрыть. Стоя въ пустыняхъ центральной Азіи, онъ переживаетъ перипетіи ея умиранія; поднимаясь въ горы подъ тропиками, онъ несетъ воображеніемъ къ чахлой природѣ сѣверо-русской тундры, которая генетически должна была когда-то вести начало отъ своихъ аристократическихъ тропическихъ предковъ. Скитаясь по югу Россіи, Красновъ ищетъ отвѣта на тѣ же вопросы въ третичныхъ отложеніяхъ и не останавливается передъ большой экскурсіей въ область палеонтологіи...

¹⁾ А. Красновъ. Географія, какъ новая университетская наука. Вступительная лекція, читанная 16 сентября 1889 г. въ Харьковскомъ Университетѣ. («Журн. М-ва Нар. Пр.» ч. CCLVI.)

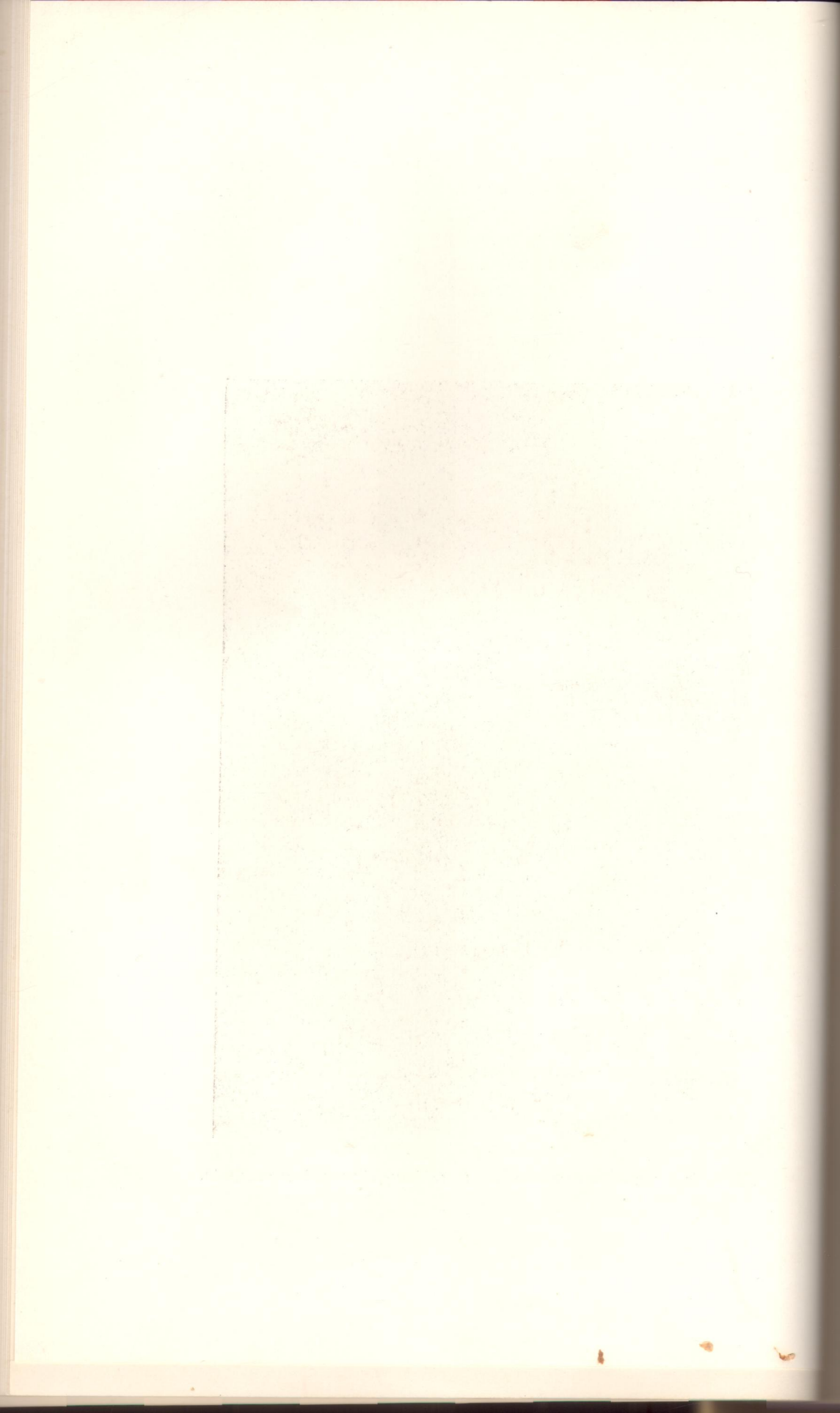
Идея эволюціи современной растительности изъ третичной нашла благодарную почву вообще у русскихъ ботанико-географовъ, но тамъ она носитъ лишь характеръ вспомогательной посылки для объясненія различныхъ систематическихъ и флористическихъ фактовъ. Въ творествѣ же Краснова та же идея развитія является сама руководящей цѣлью. Въ этомъ смыслѣ Красновъ долженъ быть названъ выдающимся представителемъ эволюціонизма въ русской наукѣ, и труды его являются въ цѣломъ прекраснымъ крупнымъ вкладомъ въ смыслъ обоснованія послѣдняго. Причины указаннаго тяготѣнія, безъ сомнѣнія, крылись частью въ органическихъ особенностяхъ таланта Краснова, влекшихъ его въ русло широкихъ художественныхъ обобщеній. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Красновъ былъ сыномъ эпохи боевого дарвинизма и молодого, быстро разливающегося во всѣ отдѣлы знанія, ученія о принципѣ эволюціи. И Красновъ, съ его впечатлительной, вибрирующей на все натурой, не только не могъ остаться въ сторонѣ отъ этого увлекающаго потока, но навсегда слился съ нимъ...

Просматривая въ настоящее время хотя бы голый перечень работъ и статей А. Н. Краснова, положительно не вѣришь, что все это могъ написать одинъ человѣкъ и притомъ умершій сравнительно рано. И только, зная при жизни А. Н., перестаешь этому удивляться. Это былъ высшій типъ ученаго, въ которомъ мысль господствовала надъ всѣми остальными требованіями жизни и составляла весь смыслъ послѣдней. Она находилась въ немъ въ состояніи постоянного возбужденія и работы, отодвигая далеко на задній планъ интересы личнаго въ обыденномъ смыслѣ слова благополучія. Конечно, и онъ искалъ счастья, но онъ находилъ его не въ покоѣ и отдыхѣ, какъ другіе, а въ кипучей, никогда не прекращающейся умственной дѣятельности. Словно какая-то сила толкала Краснова впередъ и впередъ, и онъ лихорадочно переходилъ отъ работы къ работѣ, не имѣя даже времени и воли остановиться надъ предыдущей, отдѣлать ее, оградить отъ нападковъ.

Исключительная активность таланта Краснова выражалась не только въ громадной литературной производительности, а также въ его рѣдкой подвижности въ смыслѣ большихъ и малыхъ экскурсій, поѣздокъ и путешествій, но и въ его общественно-просвѣтительной и популяризаторской дѣятельности. Параллельно съ потокомъ мысли въ немъ остро жила потребность дать выходъ ея творчеству. Онъ чрезвычайно охотно выступалъ съ лекціями, при чемъ какъ лекторъ опять-таки проявлялъ всю

А. Н. Красновъ съ проводниками въ Тянь-Шанской экспедиции.

силу и величину амплитуды своего таланта. Какъ лекторъ, Красновъ пользовался большою популярностію и любовью и собиралъ къ себѣ всегда обширную аудиторію. Въ его лекціяхъ привлекало умѣніе вкладывать въ каждую тему живое широкое содержаніе, изложенное въ картинной, образной, и въ то же время легко понятной формѣ. Плавная непринужденная рѣчь съ смѣлыми индивидуальными выраженіями и сопоставленіями, красивая жестикуляція, неисчерпаемый запасъ личныхъ наблюденій сообщали лекціямъ Краснова, дѣйствительно, притягательный интересъ. Одна изъ самыхъ послѣднихъ публичныхъ лекцій (о Батумской области) была прочитана Красновымъ, почти наканунѣ смерти, по просьбѣ Харьковскаго О-ва Любителей Природы. А. Н. находился въ то время въ Харьковѣ проездомъ, возвращаясь изъ-за границы въ Батумъ въ началѣ войны. Несмотря на болѣзнь и напряженное душевное состояніе, въ связи съ тревогой А. Н. за участь Батума, А. Н. все-таки не смогъ отказать въ просьбѣ. Не будетъ ошибочнымъ сказать, что Красновъ былъ неотдѣлимъ отъ аудиторіи, была ли то аудиторія слушателей, или аудиторія читателей.

Наконецъ, нельзя не отмѣтить, что въ Красновѣ ученый и художникъ окрашивались ярко выраженными общественными симпатіями. Онъ не былъ жрецомъ науки, для котораго послѣдняя является какимъ-то фетишемъ, и не былъ въ то же время научнымъ космополитомъ. Въ немъ мысль постоянно откликалась на текущую жизнь и притомъ русскую жизнь, и наука для него была орудіемъ культуры, прогресса, могущественнымъ средствомъ развитія своей родины. Въ жизни Краснова былъ даже, правда, короткій періодъ, когда онъ почти всецѣло отдался общественной дѣятельности, а именно, когда онъ взялъ на себя редактированіе газеты «Южный Край». Конечно, этотъ шагъ Краснова нельзя было назвать удачнымъ, такъ какъ все-таки А. Н. былъ созданъ для науки, а не для публицистики, тѣмъ не менѣе онъ характеризуетъ всю силу общественныхъ симпатій, которыя жили въ А. Н.

Почему же человѣкъ, которому было такъ много дано, прошелъ какъ метеоръ, оставляя яркій, но быстро потухающій слѣдъ? Почему А. Н. Красновъ былъ при жизни почти забытъ русскими учеными, и имя его было окружено не ореоломъ міровой славы, а какой-то нездоровой атмосферой ироніи и пренебреженія? Такъ ли мы избалованы богатствами мысли, что выбрасываемъ, какъ ненужное, даже крупныя сокровища, разъ

они съ изъязномъ, или же, быть можетъ, мы просто не умѣемъ отдѣлать благородный металлъ отъ покрывающаго его налета?

Судьба проф. А. Н. Краснова, дѣйствительно, вызываетъ чувство горечи и за нее отвѣтствененъ не только онъ самъ, но, пожалуй, въ еще большей степени всѣ мы.

Несомнѣнно, что въ дѣятельности Краснова были такія стороны, которыя вполне законно шокировали другихъ ученыхъ и заставляли подвергать жестокой критикѣ его работы. Это та исключительная, невольно возстановлявшая противъ себя небрежность А. Н., съ какой выпускалась имъ большая часть работъ. Онъ изобиловали опечатками, lapsus'ами, неточными или неогваренными цитатами. Отсюда естественно создавалось недоверіе къ самой работѣ. Чѣмъ же объяснялась эта отрицательная сторона Краснова? Тутъ неразрывно сплетались между собой выше отмѣченный словно лихорадочный темпъ и спѣшность творчества Краснова, далѣе его прирожденная разсѣянность, крайняя неразборчивость торопливаго почерка, чрезмѣрное доверіе къ своей памяти и какой-то трудно-понятный индифферентизмъ къ судьбѣ дѣлѣ своего творчества. Въ послѣдніе годы сюда присоединилось неблагоприятное вліяніе тяжелой хронической болѣзни, отголоска путешествій Краснова, наложившей на него уже внѣшній отпечатокъ и въ концѣ-концовъ сведшей его преждевременно въ могилу...

Но были и другія причины того положенія, въ которомъ находился Красновъ, причины, отвѣтственность за которыя падаетъ уже на общее состояніе русской науки. Есть умы, по самой своей природѣ, обобщающіе, и есть умы фактическіе. Каждый изъ нихъ наиболѣе продуктивенъ въ своей сферѣ. Всѣ завоеванія современной науки являются результатомъ ихъ совмѣстной работы. Въ общей сокровищницѣ человѣческой мысли накопленіе фактовъ мертво безъ объединяющей ихъ работы связующей идеи парящей надъ гранями разрозненныхъ наблюдений. Въ западно-европейской наукѣ оба направленія давно уже дружно и плодотворно работаютъ вмѣстѣ, нерѣдко счастливо соединяясь въ одномъ и томъ же человѣкѣ. При этомъ, благодаря большому количеству работниковъ, съ одной стороны чистые факты немедленно вовлекаются въ кругъ обобщеній, а съ другой—обобщенія не проходятъ мимо, не осуждаются какъ какой-то плодъ никому ненужнаго лирическаго настроенія, но сейчасъ же подвергаются объективной критикѣ и провѣркѣ на фактахъ. Въ результатѣ, содержащееся въ нихъ здоровое ядро освобождается отъ шелухи, и само въ свою очередь даетъ

палець кь дальнѣйшей работѣ въ томъ же направленіи. Современная западно-европейская наука напоминаетъ, такимъ образомъ, своего рода хорошо налаженную мастерскую съ арміей рабочихъ, гдѣ заполнены всѣ мѣста и гдѣ одни дѣлають отдѣльныя части, другія ихъ соединяють.

Совершенно иное положеніе вещей мы видимъ у насъ, въ крайней мѣрѣ, поскольку рѣчь идетъ объ изученіи своей собственной, русской природы. При крайне медленномъ пульсѣ русской науки, у насъ даже элементарно-фактическое изслѣдованіе стоитъ чрезвычайно низко. Достаточно напомнить, что значительная часть работъ Краснова, будучи написана 20 или даже 30 лѣтъ тому назадъ, до сихъ поръ является почти единственнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній! Не говоря ужъ о такихъ странахъ, какъ Тянь-Шань, можно указать хотя бы на Полтавскую губернію, относительно флоры которой, послѣ труда Краснова, вышедшаго въ 1891 г., не появлялось ни одной сколько-нибудь значительной работы! И это, несмотря на то, что Полтавская губ. лежитъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ двумя университетскими центрами! Можно ли удивляться, что при этомъ условіи живой обобщающій умъ будетъ лишенъ возможности дать полностью то, что онъ могъ бы дать при другихъ условіяхъ, и въ то же время будетъ стремиться къ заполненію живущихъ пробѣловъ фактической изученности, хотя бы это и не была его собственная область и призваніе? И Красновъ, дѣйствительно, это дѣлаетъ. Онъ переходитъ отъ одного мертвого предмета къ другому и пытается ихъ вспахать. И если при этомъ онъ дѣлалъ ошибки, то вина его ужъ далеко не такъ велика, какъ это кажется тѣмъ, кто можетъ съ удивительнымъ равнодушіемъ и хладнокровіемъ, граничащимъ по существу съ предосудительнымъ безразличіемъ, взирать, какъ проходятъ годы, десятки лѣтъ, а бѣлыя мѣста на картѣ изслѣдованности Россіи все также и остаются бѣлыми мѣстами...

Пусть же по крайней мѣрѣ передъ могилой А. Н., какъ яркаго носителя силы русскаго національнаго духа, забудется его слабое, пусть то великое и вѣчное, что при жизни затѣнялось острою житейскихъ столкновеній, очистится, сохранится для насъ и для потомства и навсегда сдѣлаетъ память объ немъ священной, вызывающей законное чувство національной гордости!

В. Галіевъ.